

Моя родня — жертвы или нет?

Должна разочаровать подозрительных читателей — я обыкновенная литовка, у меня нет еврейской крови. И я не просто литовка, а улучшенная литовка, потому что отец моего отца Йонаса Ванাগаса, старый Йонас Ванагас, — политзаключенный, осужденный за антисоветскую деятельность и полгода спустя насмерть замерзший в Карлаге. Вся его семья — ссыльные, отбывавшие ссылку в Красноярском крае. Я всегда гордилась дедом, который в Каварскасе спилил дерево, чтобы преградить путь отступающей Красной армии. И сорвал портрет Сталина со школьной стены. Соседи-литовцы, конечно, на него донесли, и он был арестован.

В Литовском особом архиве я прочитала секретное дело своего деда на 96 страницах, его показания и показания

соседа, арестованного Советами вместе с ним, протоколы допросов и очных ставок. Подвиг Йонаса Ванагаса несколько померк в моих глазах, когда я нашла в деле сведения о том, что в годы немецкой оккупации он входил в комиссию, которая составляла списки евреев. Он в убийствах евреев не участвовал, на их добро не зарился, поскольку был достаточно богат. Свидетели на допросах говорили, что все десять евреев из Каварскаса, включенные в список, были в августе 1941 года отправлены в Укмерге. Сосед Балис, которого арестовали и допрашивали вместе с моим дедом, конвоировал этих евреев к месту казни, а в награду за это получил еврейский дом и 4,5 гектара земли. Так записано в деле. Мой дед получил от немцев двух советских военнопленных — работать на его участке. Вот такая небольшая полуживая награда.

Я не просто литовка, я — литовка, пострадавшая при советской власти. В глухие годы зрелого социализма нам, четырём двоюродным сестрам, молодым барышням, хотелось наряжаться и слушать битлов, а у нас не было ни джинсов, ни пластинок. Но у нас в Америке была тетья, папина сестра, а у нее — несказанно добрый муж Антанас. Мы отправляли им письма, перечисляя в них все, чего нам хотелось. Тетья была очень занята, она работала зубным врачом, а ее муж все советские годы ящиками присылал нам джинсы, пластинки и даже пломбы для зубов. И писал нам чудесные теплые письма. Подписывался почему-то не “Антанас”, а “Антоселе”. Родители нам сказали, что Советы ищут дядю Антанаса, и потому ему лучше своего имени и фамилии нигде не упоминать (ведь письма из-за границы читала советская госбезопасность). Моя тетья была счастлива, ее муж был прекрасным и честным человеком, истинным офицером, полковником армии независимой Литвы, потом, при немцах, начальником полиции в Паневежисе.

Вот оно что. Теперь, когда все присланные Антоселе джинсы давно сносились, когда нет уже ни его, ни тети, ни советской власти, теперь, когда пишу эту книгу, я уже знаю, чем занималась в годы немецкой оккупации литовская полиция в Паневежисе и других городах и почему советская власть так старательно его искала. Не нашла. Антоселе умер во Флориде, на берегу океана, в красивом доме, окруженном садом, где растет огромное манговое дерево. В одном из литовских городков ему поставлен памятник. К сожалению, его имя упоминается и в составленном евреями знаменитом списке пяти тысяч литовских палачей.

Так кто я такая, Рута Ванагайте? Славный потомок славных литовских героев или представитель народа презренных убийц, истреблявших евреев, и моя родня запятнала себя преступлениями перед человечеством?

Но ведь у меня была и мама. Она родилась и выросла в Паневежисе, в большом красивом доме с квартирантами, где ее воспитывала не только строгая мама, но и снимавшая у них комнату тетя Циля, которая преподавала немецкий язык в женской гимназии. Циля была немецкой еврейкой. Она бежала в Литву от нацистов? Скорее всего, да. Маме было четырнадцать лет, когда началась война, в Литву вошли немцы, и Танте, как любовно звала ее мама, спешно бежала из Литвы. Куда? Никогда, никогда, как ни разыскивала ее мама по прежним адресам, так и не удалось найти ее следов. В какую яму вас бросили, Танте Циля, в какую печь?

Моя мама потеряла не только тетю Цилю. В Паневежисе, на улице Антанаса Сметоны, и сейчас стоит дом под номером 47, мамин дом. А рядом, в соседнем доме, жила интеллигентная еврейская семья с единственным ребенком. Ицик был на год младше мамы. Все детство они играли вдвоем в мамином саду. Потом настал 1941 год, началась немецкая оккупация, и однажды соседская семья исчезла. В тот день люди

видели, как из гетто гнали евреев, в тот день в лесу вблизи Паневежиса были расстреляны восемь тысяч евреев. Детей укладывали и расстреливали (или расстреливали и укладывали?) в отдельной яме. Там, совсем неглубоко, среди останков 1700 детей из Паневежиса, лежат и косточки Ицика.

Так кто же я? Может, тоже в каком-то смысле жертва, если моя мама во время Холокоста потеряла двух близких людей?

Я просто литовка, чьи деды и родители пережили и советскую, и нацистскую оккупацию. И я принимаю все трагедии своего народа, не разделяя их на свои и чужие, большие и меньшие. Принимаю вину и утраты своей родни, не обвиняя и не приукрашивая того, что было. Хочу понять, что произошло, почему это произошло и с ними, и со всем моим народом. С моими литовцами и моими евреями в моей Литве. Хочу, чтобы это поняли, знали и помнили мои дети.

Мои милые соотечественники, если никто из ваших родных ни в чем таком не участвовал и даже не знал никаких евреев, подумайте вот о какой статистике: за время войны было уничтожено больше двухсот тысяч литовских евреев. Это пятьдесят тысяч домов, а еще — магазины, синагоги, школы и библиотеки, аптеки и больницы... Немцы забирали еврейское золото, выдирали зубы. А сколько по всей Литве в домах убитых евреев осталось другого добра: шкафов, кроватей, часов, простыней и подушек, ботинок и блузок, — все это, разумеется, не ваши деды хватали и везли возами, когда вещи выбрасывали в окна или по дешевке продавали на площадях местечек. Конечно, не ваши деды, а деды других литовцев, похуже. Но, может, вы, хорошие литовцы, знаете, где теперь эти антикварные кровати убитых? Кто на них спит? Какие видит сны?

“Быть евреем” — игра с последствиями

Возрасте пятидесяти семи лет и я впервые в жизни заработала деньги на Холокосте. Заработала немного — минимальную зарплату, 450 евро в месяц, за полгода. А сделала много. Проект “Панеряйская колыбельная” получил финансирование от Европейской комиссии, и это позволило нам провести в Вильнюсе десять удивительнейших мероприятий. Идея проста: собрать группу из сорока человек и дать им на один день почувствовать себя евреями: в синагоге узнать, что такое иудаизм (ведь мало кто из жителей Вильнюса побывал в синагоге), пройти по гетто, провести какое-то время в тайных убежищах, послушать еврейскую музыку, выучить еврейскую песню и танец, поесть то, что едят евреи. И только потом, когда пройдет добрых полдня, когда они всё это прочувствуют,

повеселятся, наедятся и напляшутся, сесть в автобусы и отправиться туда, где евреи погибли. В Панеряй. И это еще не все: по дороге в Панеряй мы выучили песню, “Панеряйскую колыбельную”, сочиненную Тамиллом, одиннадцатилетним мальчиком из гетто. Тамил участвовал в песенном конкурсе, устроенном в гетто в 1942 году, и стал победителем.

В 2012 году я впервые читала, говорила и пела на идише вместе с четырьмя десятками других таких же людей.

ТИХО-ТИХО

Тихо, тихо – здесь повсюду мертвые лежат.
 Где тиран зарыл их в землю, вырос целый сад.
 В Панеряй ведут все тропки, ни одной – домой.
 Наш отец погиб, и счастье он унес с собой.
 Тихо, тихо, мой любимый, горьких слез не лей.
 Дела нет жестоким людям до беды твоей.
 Нет конца у океана, есть конец у тьмы и плена,
 Но вдали не видно огней.¹

В Панеряйском лесу, куда многие из нас пришли впервые, нам рассказали о том, как убивали людей. Мы стояли с розами и камнями и слушали. Потом пели. А после этого молча положили розы на снег, аккуратно укрывший яму — одну из шести, самую большую. На снегу — следы, видно, только что над тысячами раздробленных черепов проскакал панеряйский заяц.

И это еще не все. Обратный путь до Вильнюса стал смелым экспериментом. Должны ли мы были возвращаться в Вильнюс молча после того, что видели и испытали в Панеряе, или, напротив — вдохновленными, объединенными

1 Перевод В. Лавкиной.

ми? На обратном пути, после очной ставки с Холокостом, мы в автобусе откупили кошерное вино, полученное из Израиля, разделили между собой домашние *имберлах*, и Михаил, музыкант из еврейского ансамбля, сыграл нам “Тумбалалайку”. Какое это было невероятное ощущение — ранним воскресным вечером ехать через Северный Иерусалим, пустой город без евреев и без литовцев, и орать во все горло: “Тумбала, тумбала, тумбалалайка!” или “Лехайм!” — “За жизнь!” Драть глотку вместе с четырьмя десятками других глоток. Сорок литовцев, которые еще утром не знали о евреях практически ничего, а теперь, к вечеру, взволнованы, вдохновлены, печальны и бесконечно счастливы...

Добравшись до Вильнюса, участники этой поездки долго не могли расстаться, терзали вопросами нашего гида Симона, просили, чтобы в следующее воскресенье разрешили прийти чьему-то брату, чьей-то маме, тете, подруге... А потом пересказывали домашним то, что услышали про евреев, рассказывали об увиденном. И не у одного из них домашние подозрительно крутили головами: ну, околдовали они тебя, говоришь, как сектант какой. Видишь, как надо их остерегаться... Им только мизинчик протяни — всего утащат...

Прошел год. Проект “Быть евреем” перебрался в Каунас и другие европейские города, где, к сожалению, все сделали казенно, “осваивая европейские средства”. Однако Каунас — Каунас стал для меня потрясением. Стал потрясением час, проведенный в Слободке, нынешнем Вилиямполе.

Вот вам картинка из бывшего гетто, одного из самых больших в Литве — там жили десятки тысяч каунасских евреев, и во время нескольких “акций” (одна из них — детская) все были убиты.

Тридцать каунасских учителей, окружив еврея Симона, стоят посреди бывшего гетто. Дома, погребца, деревянные сараи, где во время войны теснились тысячи евреев, согнанных туда нацистами, дворы, где играли их дети, — а потом всех их вывели на площадь или увели в какой-нибудь из фортов Каунаса и расстреляли. Дома и погребца перестроены, обновлены, там живут каунасцы, которые не знают, где живут и что там делалось до них. Откуда им знать — ничего ведь не написано, ничего не сохранилось, только камень у въезда. Перестроен и этот дом — бывший магазин, в окне которого была выставлена отрубленная голова раввина. Раввину отрубили голову, когда он молился, и положили ее на Талмуд.

Рядом с нами останавливается “ауди”. Открыв окно, бритоголовый водитель орет: “Ну что, жида? Куда лезете? Чего ищете?” Получив вежливый ответ — почти извинение за то, что мы здесь, — от нашего гида, он катит по улочке гетто дальше, но несколько минут спустя разворачивается и на полной скорости мчит в нашу сторону. Визжат тормоза, машина останавливается, едва не врезавшись в нашу группу. Вижу, дело оборачивается плохо, иду к машине и пытаюсь смягчить положение. На сиденье — недопитая бутылка пива. Говорю водителю: “Не сердитесь, понимаете, мы не евреи, это экскурсия, ведь здесь было гетто, вы не знали?” Вижу — для него это новость, он не знает, что такое гетто. “Может, вам не стоит вести машину, — говорю я бритоголовому, — вы же выпивши, попадете в полицию”. — “Я сам полицейский”, — резко отвечает он и наконец уезжает, не сделав нам ничего плохого.

А самой, наверное, удивительной частью проекта “Быть евреем” стала лекция Симона об иудаизме в Вильнюсской хоральной синагоге, где почти все участники этого проекта оказались впервые в жизни.

Очная ставка с врагом

После завершения проекта “Быть евреем” должна была состояться посвященная Холокосту просветительская конференция. Ненавижу слово “конференция”. И слово “проект”. И слово “просветительский”. Я еще не организовала ни одной конференции, а сбежала с многих. Что меня ждет? Надо делать приглашения, собирать участников, готовить материалы для раздачи, обеспечивать перевод докладов, потом выступают скучные типы, публика зеваает, а мне еще и роль модератора достается... Бррр... Ну, может, еврейский обед с музыкой в перерыве сделает унылое мероприятие чуть повеселее? Может, надо бы и кошерыным вином запастись?

Кого пригласить выступать? Придется довериться знатокам — я то и дело пью кофе с разнообразными специалистами по Холокосту... Они предлагают кроме литовских историков пригласить на конференцию двух заморских ли-

товцев — Саулюса Сужеделиса (первый раз о таком слышу) и Томаса Венцлову (ого! только согласится ли он?) — и еще кого-нибудь из нового еврейского музея в Варшаве. А вот кого — боже сохрани! — не приглашать, так это очернителя Литвы Довида Каца и охотника за нацистами Эфраима Зуроффа. Если уж я непременно хочу пригласить кого-нибудь “спорного” — так только не Зуроффа. Он недавно в Иерусалиме заставил расплакаться прибывшую из Литвы учительскую делегацию — обозвал теток убийцами евреев. Хм... Нехорошо. А если будут те двое или кто-то один из них — не дойдет ли до драки? Нет, говорят, не должно. Может, договоришься с Зуроффом, чтобы не доводил всех до слез, он ведь разумный человек. Но если будут Кац и Зурофф — представители академического сообщества в твоей конференции точно участвовать не станут, потому что эти двое оба работают на Путина, он их финансирует.

Ну, думаю, это уж совсем никуда не годится. Не хочу я в Литве агентов Путина, если их приглашу, скажут, что я и сама такая. Только переспрашиваю для верности: а откуда консультанты знают про путинские деньги, которые получают эти двое бессовестных? Одному об этом сказал кто-то из американского посольства. Другой тоже несколько не сомневается, потому что среди друзей Зуроффа в Фейсбуке нашел сторонников Путина...

Мне уже становится весело... Вернувшись домой, нахожу литовскую информацию про этих врагов Литвы. Да, они из года в год чернят нас во всем мире, не иначе как Путиным подкуплены... Они всё велят нам привлечь к ответственности палачей, а еще указывают, чтобы мы не допускали шестивий ультраправых ни в центре Каунаса, ни в центре Вильнюса. Зурофф, видимо, особенно воинственный: пишут, что он своими грязными руками роется в наших архивах. Загляну тогда уж и в нелитовские источники: оказывается, это-

го самого чудовищного Зуроффа приглашают читать лекции по всему миру, он написал три книги, и их перевели на восемнадцать языков. За усилия, приложенные им для поимки нацистов в Сербии, был выдвинут на Нобелевскую премию. Не получил — в тот раз ее присудили Бараку Обаме.

Итак, в тот же вечер я пишу электронные письма обоим очернителям Литвы. Все интереснее будет — и вина покупать не придется. Да и какая конференция без евреев? На следующий день получаю ответы — и тот, и другой спрашивают, на каких условиях их приглашают на конференцию. Условия те же, что для всех докладчиков: оплата перелетов и гостиницы, и предлагаем гонорар в пятьсот евро.

Только потом я узнала, что для обоих очернителей это был шок — еще никто в независимой Литве не приглашал их ни на какие более или менее официальные мероприятия, да еще в Вильнюсском самоуправлении, да еще чтобы все было оплачено, да еще чтобы приличный гонорар заплатили. Эх, слишком поздно узнала, все равно пригласила бы, но гонорара бы не предлагала. Эфраим Зурофф сообщил, что скоро приедет в Литву, будет наблюдать за шествием неонацистов 11 марта, и тогда мы можем ненадолго встретиться. Я подумала, что, может, в общественном месте он меня не побьет, но, скорее всего, традиционно и меня прибьет к кресту как литовку за все прегрешения Литвы. Выдержу, не разревусь, как те учительницы.

Войдя в кафе, я увидела это страшилище и сразу поняла, почему его так боятся, и не только в Литве. Мы привыкли к тому, что евреи невысокие, часто щедушные или толстенькие (да сколько мы тех евреев видели?), а тут передо мной — великан, заполняющий собой все пространство. (Позже я прочла в одной южноафриканской газете, что Зурофф похож на мамонта.) Хочется сесть как можно дальше от него. Мы устраиваемся за самым большим столом. Синие глаза

сверлят меня взглядом, с нескрываемым недоверием изучают представительницу народа-убийцы. Первый же вопрос Зурофф задает прямо в лоб: “Почему вы взялись за этот проект? Из-за денег, который заплатит Евросоюз?” — “Нет, — так же напрямик режу я, — взялась, потому что среди моей родни обнаружили люди, которые, скорее всего, участвовали в Холокосте. Я чувствую, что, вспомнив об этом и почтив память убитых евреев, хоть немного искуплю их возможную вину”. И рассказываю про тетиного мужа и про своего деда.

“Вы, пожалуй, первый человек в Литве, от которого слышу признание вины его родственников, — говорит Зурофф. — За двадцать пять лет своей деятельности в Литве не встретил ни одного, кто бы так сказал. Литва — самая тяжелая, самая неблагодарная страна, здесь правду особенно тщательно скрывают”. Теперь моя очередь нанести удар: “Скажите, а правда, что вы работаете на Путина? Ведь Путину выгодно, чтобы литовцев во всем мире считали нацистами. Вы это и утверждаете. Сколько Путин вам платит?”

Зурофф не удивляется. Долго рассказывает о своей антисоветской деятельности, о своих отношениях с путинскими русскими, которые пытались его использовать в своих целях. И вот, после нападков с обеих сторон, мы наконец начинаем разговаривать как нормальные люди. Зурофф говорит, что очень хотел бы участвовать в конференции, но, к сожалению, в это время должен читать цикл лекций в США. Называет мне еще несколько имен. А о чем, любопытствую я, вы говорили бы, если бы выступали на конференции?

“О том, как нелегко Литве и всей Восточной Европе открыто говорить о Холокосте. По двум причинам. Одна — только в Восточной Европе сотрудничество с нацистами означает активное участие местных жителей в убийствах евреев. В Западной Европе евреев изолировали, но не убива-

ли. Западноевропейских евреев возили убивать в Восточную Европу — в первую очередь в польские концентрационные лагеря, но и в Литву тоже. Другая причина — после Второй мировой войны страны Восточной Европы либо были оккупированы, либо оказались в сфере влияния советского режима. В советские времена правду о Холокосте замалчивали или она доходила в искаженном виде. Я не такой идиот и фанатик, чтобы думать, будто Литва за несколько лет независимости может настолько созреть, что смело взглянет на самые черные пятна своей истории. Франция это сделала только через пятьдесят лет после войны. Но все равно рано или поздно это придется сделать и литовцам”.

Ну, думаю, нет в этом Зуроффе ничего страшного, даже жалко, что этого мамонта на нашей конференции не будет. Предлагаю ему обычное в таких случаях решение — сейчас, пока он в Литве, сделать видеозапись его доклада и показать ее во время конференции. Польза от этого была бы тройная: мы бы и мамонта заполучили, и литовские историки не стали бы нас бойкотировать, и драки мы бы избежали.

Вот так и началось мое знакомство с очернителем Литвы и злодеем, доводящим до слез учительниц. С человеком, который несколько десятилетий упорно преследует нацистов по всему миру, охотится на них практически в одиночку, получая хоть какое-то финансирование для своего мелкого предприятия от Соединенных Штатов, но без поддержки со стороны Государства Израиль. Когда Зурофф был в Вильнюсе, израильский посол в Литве его, можно сказать, “послал”, потому что он только разъезжает повсюду и портит людям настроение.

Видеозапись доклада охотника за нацистами мы делали в гостинице рядом с вокзалом, в холле, на фоне громко разговаривающих русских туристов. После записи распрощались. Крепко пожали друг другу руки. “А знаете, о чем я меч-

таю? — спросила я Зуроффа. — О том, чтобы когда-нибудь на такой вот конференции, посвященной Холокосту, я смогла бы попросить вас и господина Каца выйти из зала и закрыть за собой дверь с той стороны. Пришло время, сказала бы я вам, когда мы, литовцы, сами, без вашей помощи, разберемся с черными или серыми пятнами своего прошлого”. — “Превосходно, — ответил он, — и я мечтаю о том же”.

По дороге домой я думала о том, что говорил Эфраим Зурофф, о том, какая доля правды в его словах об убийствах евреев в Восточной Европе, о том, что будут говорить о вине населения Литвы на нашей конференции докладчики-литовцы. И еще одна мысль пришла мне в голову: наверное, интересно было бы вместе с Эфраимом Зуроффом проехать по Литве, по местам истребления евреев, в поисках еще живых свидетелей, в поисках правды. Начали бы мы с Линкмениса, где жили его прадеды, павшие под пулями в Панеряе. Мог бы получиться документальный фильм с отличным названием — “Путешествие с врагом”. Что нашли бы в этом путешествии мы, враги, литовка и еврей? Чья версия Холокоста в Литве подтвердилась бы: правда литовских учебников или совсем другая, страшная, которую потому и замалчивают? А что, если Зурофф не чудовище? Кто тогда чудовище?